

ПОЛИТИКА США НА УКРАИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (1991–2013): МЕЖДУ СДЕРЖАННОСТЬЮ И ВСЕСТОРОННЕЙ ПОДДЕРЖКОЙ

© 2020 г. С. Маркедонов, О. Ребро, А. Сушенцов, А. Чечевишников

*МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович, кандидат исторических наук,
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(smarkpost@gmail.com).*

*РЕБРО Ольга Игоревна, эксперт,
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(olgarebro@yandex.ru).*

*СУШЕНЦОВ Андрей Андреевич, кандидат политических наук,
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(asushentsov@inno.mgimo.ru).*

*ЧЕЧЕВИШНИКОВ Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент,
Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76
(alc0202@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 02.12.2019.

В большинстве научных публикаций украинские проблемы представлены в контексте российско-западных противоречий. Авторы же полагают, что двусторонние отношения между США и Украиной имеют собственные мотивы, динамику и логику. В этой связи параллельно анализируется эволюция украинских внешнеполитических приоритетов и подходов США к постсоветскому пространству (Украине в частности). Анализ показывает, что до 2013 г. США не проявляли особой активности в украинских вопросах. Однако полномасштабный внутренний кризис в этой стране подтолкнул их к более активному участию.

Ключевые слова: американо-украинские отношения, украинский кризис, постсоветское пространство, “оранжевая революция”, “евромайдан”, европейская безопасность, трансатлантическое партнерство, стратегическая культура США, демократизация, НПО-кратия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-15-25

После завершения холодной войны, роспуска Варшавского договора и распада СССР и Югославии украинский кризис стал наиболее масштабным потрясением для европейской безопасности. Дополнительной остроты ему придают вооруженный конфликт в Донбассе и конфронтация между Москвой и Киевом (вместе с его западными союзниками) по поводу статуса Крыма. Украинская проблематика сегодня широко представлена в научной литературе [1]. Однако для большинства исследований характерны односторонние трактовки. Многие специалисты из США и стран ЕС рассматривали предшествующую историю Украины как успешный кейс демократического транзита на постсоветском пространстве [2; 3]. И даже те, кто критически оценивал различные аспекты украинского развития (отмечая значимую роль олигархов и неформальных договоренностей или растущую зависимость Киева от Москвы), видели в Украине перспективного партнера, имеющего значительный потенциал [4; 5]. В 2014 г. этот образ подвергся существенной коррекции.

В российской литературе акцент делается на события “евромайдана” как первопричины поли-

тического кризиса. В связи с этим в фокусе оказываются технологии “цветных революций” для “смены режимов” с условно пророссийских (как минимум, настроенных на прагматическую кооперацию с РФ) на откровенно антироссийские силы [6, сс. 45-115; 7]. Признавая важность американского вмешательства во внутренние дела постсоветских государств, нельзя не заметить, что запрос на прозападный вектор внешней политики имел место и до 2013–2014 гг., помимо устремлений официального Вашингтона. Нередко упускают из виду, что практически все “цветные революции” оборачиваются для США не только приобретениями, но и проблемами. Так было в постреволюционной Киргизии, где имел место рост антиамериканских настроений, так было с укреплением авторитаризма и непредсказуемости в Грузии (как внутренней, так и внешнеполитической) в период президентства М. Саакашвили [8].

Что же касается американского политологического мейнстрима, для него характерно рассмотрение действий Москвы в качестве демонстрации “ревизионизма” [9; 10]. При таком подходе участие РФ во всех постсоветских конфликтах (Кав-

каз, Молдавия) стало подводиться под украинский “стандарт”. Уникальность таких операций в “горячих точках” Евразии была принесена в жертву абстрактным схемам “возрождения имперских практик” и “укрепления авторитарных трендов Кремля” [11; 12; 13]. Внешнеполитический курс Москвы стал излишне персонифицироваться, полностью идентифицироваться с установками президента РФ [14].

Впрочем, и на Западе, и в России формируется третий пласт работ, не привязанных исключительно к событиям 2013–2014 гг. и ориентированных на поиск причин происходящего на Украине и вокруг нее. В фокусе оказываются такие проблемы, как несовершенство сложившейся после холодной войны архитектуры европейской безопасности [15; 16], объективные процессы в рамках логики “игры с нулевой суммой” [17], украинская внутривнутриполитическая динамика, особенности национально-государственного строительства в этой стране [18]. Следует также отметить работы, анализирующие украинский кризис как триггер в создании нового европейского порядка, меняющего тот, что сформировался после холодной войны [19].

Вместе с тем в подавляющем большинстве исследований Украина рассматривается как один из полигонов соперничества РФ и Запада. Признавая обоснованность подобного подхода, тем не менее нельзя забывать, что отношения Киева и Вашингтона имели и имеют собственную логику. Разумеется, эти отношения строились (и будут строиться) с учетом фактора России как крупнейшего политического актора в Евразии и конкурента для США. Но в то же время они имеют самостоятельное значение, не сводимое к действиям или планам Москвы [20; 21].

Данная проблема включает в себя эволюцию украинских внешнеполитических приоритетов, а также принципиальных подходов Вашингтона к постсоветскому пространству и отдельным новым независимым государствам. Понимание этого позволит уяснить, как менялись американские интересы на украинском направлении. Представляется важным ответ на вопрос, почему приоритеты США за все время после распада СССР балансировали между сдержанностью (а порой и разочарованием от неэффективного сотрудничества) и стремлением к всесторонней поддержке Украины.

В настоящей статье рассмотрена эволюция американо-украинских отношений между 1991 и 2013 гг., то есть до “евромайдана”. Выбор хронологических рамок обусловлен прежде всего тем, что “домайданная” история политики США на украинском направлении изучена намного хуже, чем последующие события. Исследование этого сюжета помогает адекватно понять действительную го-

товность Вашингтона к участию в украинских делах, ответив на вопрос: «Было ли вовлечение США в “евромайдан” глубоким стратегическим замыслом или, скорее, реакцией на стремительно развивающийся внутривнутриполитический кризис?».

События 2013–2014 гг. принципиально изменили привычное внешнеполитическое позиционирование Украины. Отказавшись от балансирования между мировыми центрами силы, она сделала выбор в пользу евроатлантического вектора. И выбор этот, как представляется, в среднесрочной перспективе не будет подвержен существенной коррекции. США превратились в первостепенного стратегического союзника Украины, рассматриваемого среди прочего в качестве гаранта ее “внешнеполитической самостоятельности” (понимаемой как независимость от российского влияния) и восстановления территориальной целостности [6, сс. 167–177]. Вашингтон, пережив периоды энтузиазма и разочарований от сотрудничества с Украиной, резко активизировал деятельность на данном направлении и стал рассматривать свое участие в украинских делах как важный элемент сохранения влияния в Европе [22].

Наша работа видится как изучение характера отношений Киева и Вашингтона, развивавшихся под влиянием американской стратегической культуры и несовершенства архитектуры европейской безопасности, сложившейся в постбиполярный период. В этом контексте следует учитывать и незавершенность формирования украинской постсоветской политической идентичности, что стало важнейшим элементом в отношениях между Россией и Украиной. Данный политический сюжет не был учтен американскими политиками и экспертами в должной мере и рассматривался, по преимуществу, как фактор, инструментально используемый Москвой против Киева. И сегодня такая интерпретация остается в США доминирующей [23; 24].

СТАНОВЛЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ: ЯДЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ УКРАИНЫ

Непредсказуемость событий 1991 г. американское руководство восприняло с настороженностью [25]. В то время как транзит к демократической политической системе и рыночной экономике в Вашингтоне не подвергался сомнению, главную задачу американское руководство видело в стабилизации этого процесса, но не в форсировании распада некогда единого государства (исключение – три республики Прибалтики [26, pp. 86–112]). “Американцы не будут поддерживать тех, кто ищет независимости, чтобы заменить давнюю тиранию

локальным деспотизмом”, – с такими словами обратился с трибуны Верховной рады в августе 1991 г. президент США Дж. Буш [27, р. 14]. Заметим, что осторожная позиция Белого дома и Госдепа на украинском направлении компенсировалась более смелыми подходами Конгресса, склонного к поддержке национальной независимости тогдашних союзных республик и прежде всего Украины, что объяснялось и мощным лобби, и поддержкой избирателей, среди которых были и этнические украинцы [21, pp. 251–253].

После подписания Беловежских соглашений администрация быстро приспособилась к новым политическим реалиям. И все же на первых порах речь шла не столько о выстраивании стратегического взаимодействия, сколько о купировании возможных рисков и угроз с точки зрения национальной безопасности США. Одним из ключевых вызовов для Вашингтона было неконтролируемое распространение ядерного оружия. Быстрой реализации разработанного при участии Вашингтона плана передачи ядерного арсенала Москве помешала позиция Киева. Заявленное и неоднократно подтверждаемое в официальных документах согласие первого украинского президента Л. Кравчука встречало сопротивление усилившихся в ходе движения за независимость националистических сил. Вашингтон, стремясь в максимально короткие сроки завершить реализацию Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), подписанного с СССР за несколько месяцев до его распада, не скрывал недовольства. В 1993 г. У. Бернс, специальный посланник по вопросам ядерного наследия СССР, признавая наличие у Киева обоснованных страхов, тем не менее заметил: “Мне кажется, сейчас многие нашептывают украинскому руководству, призывая к сохранению ядерного оружия. Я считаю такие советы недальновидными” [28, р. 4]. Идея ядерного разоружения Украины поддерживалась и в академических кругах, где помимо неизбежного ухудшения отношений как с Россией, так и с Западом в качестве аргументов приводились высокая стоимость содержания ядерного арсенала и, даже тогда, несопоставимость его потенциала с российским [29].

С годами о таком консенсусе, существовавшем в начале 1990-х, забудут, и в 2014 г. некоторые американские эксперты зададутся вопросом, “не стоило ли Украине сохранить свой ядерный арсенал”, чтобы предотвратить потерю Крыма [30; 31]. Напоминая о приводимых когда-то доводах и добавляя новые (например, неизбежную потерю Украиной многомиллиардной помощи), ответ на этот вопрос дает М. Рабли: “Те, кто распространяют ложную идею, что Украина могла бы развивать собственную экономику и дипломатические отношения, испытывая при этом финансовую и политическую

нагрузку, связанную с ядерным арсеналом, преувеличивают плюсы обладания ядерным оружием и совершенно не замечают издержек” [32].

Тактика давления на Киев администрации Буша ст. не принесла результатов, и сменившая ее в 1993 г. команда Б. Клинтона начала пересмотр (фактически – разработку) целостной политики в отношении Украины, не ограниченной “ядерным досье”. Продолжая требовать ликвидации ядерного арсенала, она перешла от угроз к переговорам. “Заверения” в безопасности (США настояли на использовании слова *assurances*, чтобы подчеркнуть отличие от употребляемого в документах НАТО *guarantees* [12, pp. 48–49]) были закреплены в Будапештском меморандуме¹. Кроме этого в обмен на отказ от ядерного оружия Украине были предложены институциональное закрепление двустороннего диалога (Комиссия Кучма–Гор), а также значительная финансовая помощь как в рамках существовавшего на тот момент фонда Нанна–Лугара, так и на основе принятого Конгрессом “Акта поддержки свободы для России и новых евроазиатских демократий и открытых экономик”².

“ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ” НА УКРАИНЕ: ИДЕИ И ПРАКТИКА

Энтузиазм США, подкрепленный обещаниями украинского руководства, привел к росту финансовой помощи Киеву. Если в первые два года действия “Акта поддержки свободы” 60% предоставляемых средств приходились на Россию, то к 1997 г. ее доля снизилась до 15%, на 1-е место вышла Украина. В 1997–1998 гг. на нее отводилось 225 млн долл. (примерно 40%) ежегодно³. Такие объемы помощи, к которой добавлялись предоставляемые при посредничестве США кредиты МВФ, пожертвования частных лиц, а также средства, выделяемые ЕС в рамках Европейской политики соседства, не привели к реальному улучшению ситуации.

Реализованная по лекалам ультралиберальной экономической модели приватизация государственной собственности привела к формированию на Украине “демократии олигархов”: возникла правящая верхушка (100 человек контролировали 80–85% национального богатства), состоящая

¹ *Ukraine: The Budapest Memorandum of 1994*. Available at: https://larouchepub.com/eiw/public/2014/eirv41n08-20140221/34-35_4108.pdf (accessed 26.06.2019).

² *H.R.4547 – Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act of 1992*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4547> (accessed 26.06.2019).

³ *The Former Soviet Union U.S. Foreign Assistance*. Congressional Research Service. The Library of Congress. February 20, 2003. Available at: www.fpa.org/usr_doc/37334.pdf (accessed 26.06.2019).

из регионально-отраслевых кланов, использующих демократические институты для укрепления собственных позиций [16, pp. 60–67]. Украинская “плутократия” оказалась довольно устойчивой в отсутствие сильной власти президента. Политическая система, с одной стороны, обеспечивала децентрализацию власти, служила залогом от скачивания к авторитаризму, с другой – не позволяла государственной машине эффективно функционировать.

Создаваемые демократические институты были встроены в эту модель. Сформированный класс крупных и средних предпринимателей тяготел к самому сильному политическому органу в стране как инструменту создания наиболее выгодных условий для ведения бизнеса. Если в России и Белоруссии таковым был институт президента, который учитывал интересы бизнеса при формировании общей государственной политики, то на Украине олигархи укрепляли связи с парламентом. Выборы, по итогам которых “победитель получал все”, сопровождалась напряженной борьбой, приводившей к политическим кризисам. СМИ, представляющие различные политические позиции и на первый взгляд демонстрирующие свободу слова, в действительности становились инструментами внутриэлитной борьбы. В 2008 г. тогдашний посол США на Украине У. Тейлор констатировал, что ведущие украинские медийные ресурсы зависимы от частных инвестиций олигархов, а потому “подвергаются их давлению и обслуживают их бизнес-интересы”⁴. Аналогичную ситуацию Вашингтон наблюдал в судебной системе, где “политические партии и богатые истцы используют свое влияние, чтобы добиться вынесения необходимых решений или, наоборот, затормозить процесс”⁵.

Отдельно стоит отметить результат американских усилий по созданию на Украине “третьего сектора”, которому зачастую приписывают роль инструмента Вашингтона в организации “цветных революций”. Однако создаваемые на западные средства гражданские институты (как сообщает В. Нуланд, за 20 лет на эти цели было выделено более 5 млрд долл.⁶) фактически вели автономное от общества существование, не пользуясь доверием граждан и не имея влияния на правящие классы. Опираясь на подробный анализ НПО на Украине,

в Молдавии и Грузии, О. Луцевич отмечает: “Характерная для западных либеральных демократий традиция рассматривать гражданское общество исключительно с точки зрения защиты индивидуальных свобод привела к появлению элитистских организаций, оторванных от реальных проблем населения” [33, p. 16].

Более того, позиции подобной “НПО-кратии” размывались аналогичными институтами, создаваемыми на правительственные деньги или на частные пожертвования и используемыми во внутриполитической борьбе. В частности, украинский бюджет 2011 г. закладывал 31 млн долл. на развитие гражданского общества (что было в 4 раза больше украинского бюджета Фонда Сороса), которые распределялись на усмотрение правительства и чаще всего «в обмен на лояльность правящей “Партии регионов”». НПО, спонсируемые отдельными олигархами, “предпочитали держаться подальше от таких вопросов, как борьба с коррупцией, защита прав человека и свобода слова” [33, p. 12].

США лишь отчасти [12, pp. 204, 259] понимали масштабы коррупции, но вмешивались в ситуацию, когда совершаемые преступления касались правового поля США или интересов американского бизнеса [12, pp. 133–135]. Так, в 1996 г. “по просьбе”⁷ А. Гора Л. Кучма отправил в отставку премьер-министра П. Лазаренко, позже арестованного в Нью-Йорке по обвинению в коррупции (сотрудничавшая с ним Ю. Тимошенко не пострадала, а в 2013 г. Вашингтон ратовал за ее освобождение). Редким исключением из этого правила стал отказ в выдаче визы И. Суркису в 2003 г.

При этом американское посольство стало частью сложившейся на Украине системы, и местные крупные предприниматели пытались использовать его в своих интересах. Например, описывая в опубликованных *WikiLeaks* служебных записках череду встреч с Д. Фирташем, в ходе которых он пытался “открыть глаза” Вашингтону на действия Ю. Тимошенко, американский посол заключает: “Аргументы и обвинения Фирташа, без сомнения, обусловлены корыстными интересами; он видит в Тимошенко угрозу своему бизнесу”⁸.

Позже американский посол (1998–2000) С. Пайфер объяснит такие результаты тем, что США, с одной стороны, не до конца понимали динамику внутриполитической жизни, с другой – старались не навредить чрезмерной требовательностью. При этом “украинские политики со вре-

⁴ *Ukraine's Media Monitors Decry Current State of Media in Ukraine; Tentative Resolution Reached on Ban of Russian Television Channels*, December 2, 2008. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/08KYIV2354_a.html (accessed 26.06.2019).

⁵ *Political Influence in Ukraine's Murky Judicial System*, March 6, 2009. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09KYIV428_a.html (accessed 26.06.2019).

⁶ *Victoria Nuland: Ukrainians Deserve for Respect from Their Government*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2y0yJUsPTU> (accessed 26.06.2019).

⁷ “Под давлением” в трактовке Л. Кучмы и “после осторожного выражения обеспокоенности” в трактовке С. Пайфера.

⁸ *Ukraine: Firtash makes his case to the USG*, December 10, 2008. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/08KYIV2414_a.html (accessed 26.06.2019).

менем хорошо уяснили, что от них хотят услышать западные официальные лица” [12, р. 319]. Такое объяснение нередко встречается в западной литературе. Практически дословно слова американского посла повторяет О. Луцевич: “Правящие элиты, особенно на Украине, маневрируя под общественным давлением, стали довольно искусно использовать риторику гражданского общества... После чего делали то, что хотели” [33, р. 10].

“ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ”: ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Отмечая общую тенденцию для американской политики демократизации, американский исследователь П. Пиллар пишет: “По окончании холодной войны США столкнулись с растущим несоответствием между ожиданиями ускорения естественного наступления демократии под влиянием американского лидерства и гораздо более сложной и менее стабильной реальностью” [34, р. 102]. Как следствие, разочарование и в отношении Украины.

“Усталость” американской администрации от безрезультативности действий на украинском направлении была дополнена в начале 2000-х годов переключением внимания Белого дома на Афганистан и позже на Ирак. Конгресс, реагируя на жалобы американских компаний, сократил двустороннюю помощь Украине. Встречи на высшем уровне в отсутствие положительной повестки постоянно откладывались. Единственным, что спасло отношения от полного коллапса, стало решение Л. Кучмы пойти наперекор общественному мнению и направить воинский контингент (1800 военнослужащих) для участия в иракской кампании [12, р. 261].

Вместо адаптации применяемых подходов Вашингтон связал застой в отношениях с личностью второго украинского президента, чья репутация в США была окончательно разрушена после передачи ФБР компрометирующих “записей” бывшего сотрудника Управления госохраны Украины майора Н. Мельниченко. Поэтому президентские выборы 2004 г. (первые в которых не участвовал Кучма) рассматривались как “универсальное” и простое решение, которое позволит перезагрузить отношения и вернуть Украину, сбившуюся по вине незнатного руководства, на магистральный путь. Занимавший в то время пост премьер-министра В. Янукович воспринимался как продолжатель прежней линии, а его главный соперник, экс-премьер-министр В. Ющенко, имевший разногласия с президентом, имел имидж реформатора.

“Если выбирать между Ющенко и Януковичем, то не может быть сомнений, за кого проголосовал бы

Вашингтон”, — отмечал С. Пайфер [12, pp. 246–247]. В то же время свою задачу США видели в обеспечении проведения “свободных, честных, открытых и демократических выборов, без давления на СМИ и оппозицию, после чего можно было бы вернуться к тем отношениям, которые 12 лет назад они планировали развивать с Украиной, когда она стала независимой”⁹. В координации с Вашингтоном, с аналогичными заявлениями выступили ПАСЕ, Европарламент и ОБСЕ. В зависимость от выборов было поставлено и проведение очередного саммита Украина–НАТО в июне 2004 г.

Однако, несмотря ни на что, и агитационный период, и оба тура выборов международные наблюдатели назвали несоответствующими демократическим стандартам¹⁰. На фоне начавшихся уличных протестов Соединенные Штаты сосредоточили усилия на предотвращении эскалации. В связи с этим украинскую президентскую администрацию призвали не объявлять В. Януковича победителем до тех пор, пока не будут рассмотрены жалобы о нарушениях, а В. Ющенко — воздержаться от единоличных действий в обход демократических процедур. Когда оба призыва не были услышаны, а протесты набрали обороты, американцы при тесной координации с ЕС взяли курс на возвращение происходящего в рамки закона, а также недопущение эскалации ситуации на улице [12, pp. 270–273]. Чтобы избежать негативной динамики в отношениях с Россией, Вашингтон отошел во время переговоров за спины европейских лидеров, а когда кризис завершился мирно, США восприняли произошедшее как лучший пример трансатлантической кооперации.

ПОСЛЕ “МАЙДАНА”: ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Новая украинская власть, ставшая бенефициаром “оранжевой революции”, получила солидный кредит доверия Вашингтона. Это выражалось в официальных заявлениях правительства, резолюциях Конгресса и увеличении финансовой помощи [35]. В ходе первого визита В. Ющенко в США было подписано заявление “Повестка нового века для украино-американского партнерства”. В нем Киев декларировал курс на сближение с Америкой

⁹ Armitage R.L. Deputy Secretary of State. *Press Conference in Ukraine*, Kyiv, Ukraine, March 25, 2004. Available at: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/armitage/remarks/30788.htm> (accessed 26.06.2019).

¹⁰ *Presidential Election (Second Round)*, Ukraine, November 21, 2004. *Statement of Preliminary Findings and Conclusions. International Election Observation Mission*. Kyiv, November 22, 2004. Available at: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/election-observation/election-observation-statements/ukraine/statements-25/1489-2004-presidential-second-round/file> (accessed 26.06.2019).

и западными институтами, а Вашингтон обещал этому всячески способствовать при условии, что Украина будет проводить необходимые реформы¹¹.

Проведение реформ, однако, затормозилось чередой внутривосточных кризисов. Отношение Соединенных Штатов к происходящему выразил в октябре 2004 г. заместитель госсекретаря по делам Европы и Евразии Д. Крэмер: “С моей стороны было бы неискренним сказать, что все в порядке... Неясность относительно приватизации, неконкретная политика в области налогообложения и популистские решения, продолжающаяся коррупция, использование валютных интервенций негативно сказались на уверенности инвесторов и экономическом росте” [36].

Победа “Партии регионов” на парламентских выборах 2006 г. вместе с вступлением в силу законов, принятых в ходе урегулирования кризиса 2004 г., привели к выдвижению на пост премьер-министра В. Януковича. Начался период политического сосуществования вчерашних оппонентов, который вылился в полноценный кризис весной 2007 г. Тандем Ющенко–Тимошенко, возобновленный после внеочередных выборов в Верховную раду 2007 г., лишь переформатировал этот кризис, апогеем чего стало урегулирование газового спора с Россией в начале 2009 г.

К 2008 г., когда США полностью погрузились в решение внутривосточных проблем, двусторонние американо-украинские контакты практически прекратились. “Рассеянность” Вашингтона проявилась в результатах Бухарестского саммита НАТО в апреле 2008 г., на котором, не предлагая Плана действий по членству (ПДЧ), союзники дали обещание о вступлении в альянс Украине и Грузии. Такая формулировка создала ситуацию неопределенности, вызвав, с одной стороны, рост опасений у России, с другой — переместив Украину и Грузию в комнату ожидания¹².

Подводя итоги саммита, С. Пайфер в 2008 г. выделил три причины провала американских усилий [37]. Во-первых, правительство США начало поднимать вопрос о членстве Грузии и Украины в диалоге с союзниками менее чем за месяц до саммита. При этом, как отмечается в докладе исследовательской службы Конгресса [38], Вашингтон предпочел проигнорировать высказываемые некоторыми странами критические соображения вместо вы-

работки различных вариантов решений. Этот же доклад опровергает предложенный Госдепартаментом нарратив¹³ о ключевой роли Германии в замедлении процесса принятия Грузии и Украины из опасений эскалации отношений с Россией. Ссылаясь на интервью с европейскими дипломатами, его авторы отмечают, что кроме Парижа и Берлина как минимум две страны выступили против предоставления Тбилиси и Киеву ПДЧ, а еще несколько озвучили свое недовольство. Более того, помимо опасений дальнейшего углубления противоречий с Москвой, эти страны беспокоили низкий уровень общественной поддержки вступлению в НАТО среди украинцев. Вызывали вопросы и разногласия внутри правящего тандема Ющенко–Тимошенко.

“Для многих, включая канцлера Германии А. Меркель, более важным и вполне оправданным вопросом была способность украинской элиты реализовать свои цели. И убедить в правильности этих целей всю страну”, — написал в 2008 г. Дж. Шерр, руководивший тогда программой по России и Евразии в британском Королевском институте международных отношений (*Chatham House*) [39, p. 31].

Во-вторых, проблема ПДЧ для Грузии и Украины в предложенной американцами повестке саммита носила периферийный характер, уступив место таким вопросам, как прием в НАТО Албании, Хорватии и Македонии. Не менее важной была мобилизация союзников по вопросу ПРО и увеличение контингента войск в Афганистане.

В-третьих, саммит проходил в последние месяцы президентства Буша мл., что сократило влияние американского влияния на союзников, занявших более осторожную позицию в ожидании нового лидера.

Несмотря на незначительный всплеск внимания в августе–сентябре 2008 г. (вызванного скорее косвенными причинами, опасениями мультипликации абхазо-югоосетинского кейса в других частях постсоветского пространства), произошла практически полная заморозка отношений, иллюстрацией чему стало шестимесячное отсутствие американского посла в Киеве.

“СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА”

Дж. Теффт, получивший назначение в Киев лишь накануне президентских выборов 2010 г., де-факто легитимировал в глазах Запада победившего В. Януковича, от которого ожидали курса на укрепление суверенитета Украины посредством сокра-

¹¹ *A New Century Agenda for the Ukrainian-American Strategic Partnership. Joint Statement by President George W. Bush and President Viktor Yushchenko.* April 4, 2005. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/04/text/20050404-1.htm> (accessed 26.06.2019).

¹² *Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008.* Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm (accessed 26.06.2019).

¹³ *Hearing on the Bucharest summit, Europe Subcommittee of the House Foreign Affairs Committee, 110th Congress, 2nd sess., April 23, 2008.*

щения напряженности в отношениях с Россией, прагматизма в отношении США, а также продолжения сотрудничества с Европой “на равных”¹⁴.

Первоначальное недоверие со стороны Запада даже сменилось молчаливым одобрением, по мере того как представители Брюсселя стали констатировать готовность новой украинской власти к подписанию Соглашения об ассоциации с Еврозоюзом. Вашингтон также положительно воспринял решение Януковича о “внеблоковом” статусе Украины, что позволило убрать один из раздражителей в рамках проводимой администрацией политики “перезагрузки” с РФ. Вовлечение по линии НАТО уступило место сотрудничеству с институтами ЕС, в результате чего США отдали развитие отношений с Украиной практически на откуп европейским государствам.

Символично снизился уровень дипломатических контактов. Б. Обама ни разу не посетил Украину, а его встречи с Януковичем имели характер “рукопожатий” на полях многосторонних саммитов. Во время второго срока администрация Обамы после провала политики “перезагрузки” с Россией переключила свое внимание на Ближний Восток (где за событиями “арабской весны” активизировались радикальные джихадисты), а также на АТР в рамках политики “азиатского разворота”. Вашингтон не видел рациональных резонансов для активизации двусторонних отношений с Киевом из-за отсутствия прогресса в области демократических реформ и притеснения интересов американского бизнеса (почти половина времени посла уходила на урегулирование проблем предпринимателей из США). По факту Вашингтон “пустил на самотек” переговоры Украины с ЕС по Соглашению об ассоциации и с Россией по вступлению в Таможенный союз в 2013 г. Со стороны европейских дипломатов в адрес Вашингтона звучали упреки в бездействии [37, p. 296, 298].

К начавшимся в ноябре 2013 г. протестам в Киеве Вашингтон подключился лишь через несколько недель. Украину посетил ряд высокопоставленных представителей Сената и Госдепа (сенаторы Дж. Маккейн и К. Мерфи, помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд). Вскоре после принятия Конгрессом соответствующих резолюций¹⁵ администрация начала накладывать

санкции и отзывать визы чиновников, причастных к подавлению массовых акций. В ходе телефонных разговоров между вице-президентом Дж. Байденом и В. Януковичем акцент делался на деэскалации внутривнутриполитической ситуации. Как демонстрирует опубликованный телефонный разговор¹⁶ В. Нуланд с послом США на Украине Дж. Пайетом (занимал этот пост с августа 2013 по август 2016 г.), Вашингтон опасался как применения силы со стороны властей, так и прихода к власти радикальных оппозиционеров. Не имея, как прежде, “своего” человека, американские политики сделали ставку на наиболее “знакового”¹⁷ и поэтому надежного А. Яценюка. Другой задачей стало недопущение военного конфликта с Россией. Как отмечает С. Пайфер, наблюдая за появлением так называемых “зеленых человечков” в дни начала “русской весны” в Крыму, Вашингтон “призывал украинцев не провоцировать эскалацию со стороны России” [37, p. 303].

Таким образом, революционные события застигли США, немного утративших к 2013 г. интерес к демократизации Украины, врасплох. Отношения с последней на тот момент были явно не в числе приоритетов. Это опровергает популярное в политологической публицистике представление о некоем глубинном стратегическом замысле США проникнуть на Украину и усилить свое влияние там. Бесспорно, Вашингтон и до 2013 г., и после рассматривал кооперацию с республиками бывшего СССР как важную часть политики укрепления трансатлантических связей. И в этом контексте в усилении российского влияния (в виде двусторонних связей между Москвой и Киевом, а также различных евроазиатских интеграционных проектов) усматривался опасный вызов¹⁸. Но нельзя не заметить, что в конкретный период (осень 2013 г.) влияние США на украинские процессы ослабло. И с началом “евромайдана”, запустившего самый масштабный с момента обретения независимости внутривнутриполитический кризис, Вашингтон поначалу

tion and fear, February 10, 2014. Available at: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-resolution/447> (accessed 26.06.2019).

¹⁶ Ukraine crisis: Transcript of leaked Nuland-Pyatt call. *BBC News*, February 7, 2014. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26079957> (accessed 26.06.2019).

¹⁷ Как свидетельствуют опубликованные *WikiLeaks* документы американского посольства, Яценюк привлек внимание Вашингтона еще в 2007 г. как украинский политик “нового поколения”, поддерживающий интеграцию с Европой и необходимость экономических реформ. См.: *Ukraine: New Foreign Minister Yatsenyuk – A Change of Style and Generation*, April 18, 2007. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/07KYIV924_a.html (accessed 26.06.2019).

¹⁸ Клинтон предостерегла против “ресоветизации” Восточной Европы и Центральной Азии. *Голос Америки*, 06.12.2012. Available at: <https://www.golos-ameriki.ru/a/clinton-on-re-sovietization-of-eastern-europe/1559554.html> (accessed 26.06.2019).

¹⁴ *A Yanukovich Foreign Policy*, November 25, 2009. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09KYIV2054_a.html (accessed 26.06.2019).

¹⁵ *S.Res.319 – A resolution expressing support for the Ukrainian people in light of President Yanukovich’s decision not to sign an Association Agreement with the European Union*, February 1, 2014. Available at: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-resolution/319> (accessed 26.06.2019); *H.Res.447 – Supporting the democratic and European aspirations of the people of Ukraine, and their right to choose their own future free of intimidat-*

лишь реагировал на события и только затем пытался их направлять. Поддержка оппозиции В. Януковичу, оказываемая как посольством в Киеве, так и представителями администрации Б. Обамы, сыграла одну из ключевых ролей в тех изменениях, которые сегодня наблюдаются на Украине. Но сам кризис не был порождением американских “технологий”. Он был удачно использован США для укрепления своего влияния в Европе, чему помогли и ошибки представителей Евросоюза при переговорах об ассоциации, и их неспособность гарантировать соглашения между украинской властью и оппозицией.

При этом следует отметить сложность внешнеполитического механизма США, в рамках которого знание деталей ситуации находящимися “на земле” сотрудниками зачастую перевешивается коллективным “общественным мнением”, распространяемым СМИ, влиятельными НПО, лоббистами и реагирующими на них законодателями. “Расценивая себя как главную движущую силу, американцы считают правильным выхватить из рук революционеров знамя и гордо развевать им впереди процессии, и без того уже идущей в этом направлении”, – отмечает П. Пиллар [34, р. 100]. Это произошло и в случае с Украиной 2013–2014 гг.

* * *

Таким образом, американская политика на украинском направлении в период между распадом СССР и “евромайданом” далеко не одномерна. Ее основы были сформированы еще на этапе существования единого союзного государства. Уже в то время определение внешнеполитических приоритетов Вашингтона колебалось между сдержанностью и энтузиазмом. На одной чаше весов оказывались опасения по поводу победы националистов, состоятельности нового государства, появления еще одной ядерной державы в Европе и нарушения статус-кво в области контроля над вооружениями. На другой – были ожидания, что новое независимое государство с населением в 50 млн человек станет барьером для сдерживания России и ее возможных амбиций, а также важным партнером США для укрепления их позиций на европейских рубежах.

С распадом СССР сложились иные внешнеполитические реалии. Идеалистические подходы, ориентированные на быстрый успех политического и экономического “транзита” от “советского авторитаризма” к “демократии”, вступали в противоречие с реальностью. На практике оказалось, что Украина столкнулась с проблемами качества власти, коррупции, формирования единой идентичности. Ожидаемый эффект рыночных реформ также не оправдался. По мере вызревания этих

противоречий происходила эволюция американской политики в отношении Украины. Помимо внутривнутриполитических факторов на нее влияли и международные контексты – отношения с Россией (также переживавшие взлеты и падения на протяжении около четверти века), ЕС, вовлечение в ближневосточные дела и повестку дня в АТР.

Мы можем фиксировать первый серьезный всплеск интереса США к Украине с приходом администрации Б. Клинтона, сделавшей ставку на форсированную “демократизацию” в странах бывшего Варшавского блока и постсоветских республиках. Однако к началу 2000-х годов стало ясно, что единого стандарта для такой “демократизации” не существует, а каждая из стран ЦВЕ и Евразии требует индивидуальных настроек. Замедление темпов “транзита” привело к спаду американского интереса к Украине и постсоветскому пространству в целом.

Однако первые волны расширения НАТО на восток, а также военное вмешательство альянса на Балканах изменили характер российско-американских отношений, что де-факто превратило постсоветское пространство в территорию конкуренции между интересами РФ и США. Все эти обстоятельства сработали в пользу активизации Вашингтона на Украине, что в полной мере проявилось во время “оранжевой революции” 2004–2005 гг. Тогда же во всю мощь сработали такие инструменты, как поддерживаемые из-за океана СМИ и гражданские организации. В то же время Вашингтон сам по себе не создавал революции, он успешно вовлекался в ее ход, пытался направить ее течение в своих целях. И тем не менее по итогам событий 2004–2005 гг. рассматривать США как стопроцентного бенефициара не представляется возможным. Американская помощь не сделала украинское государство более эффективным, не уменьшила коррупцию и не привела к экономическому буму. Не исчез и запрос на выстраивание прагматичных связей с Россией.

Как следствие, уже с 2006–2007 гг. фиксируется начало отката в американо-украинских отношениях. Вместе с тем в моменты, которые Вашингтон считал для себя принципиальными (“пятидневная война” в Грузии, подготовка к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС), украинский проект получал его безоговорочную поддержку.

Следующий всплеск американского интереса к Украине связан с “евромайданом”, в канун которого США особой активности в этой стране не проявляли, рассчитывая, скорее всего, на следующий электоральный цикл и возможный уход В. Януковича. Однако начало масштабного внутривнутриполитического кризиса, спровоцированного массовыми выступлениями в Киеве, подтолкнуло Вашингтон

к более активным действиям, показавшим большую эффективность по сравнению с действиями Евросоюза. Само это вовлечение (отягощенное свержением президента Януковича) стало угрозой существовавшему статус-кво вокруг Украины. Оно было воспринято как продолжение наступательной американской политики в Евразии с целью недопущения укрепления российских позиций. И изначально внутривосточный кризис быстро перерос в крупную международную проблему.

Однако последующая трансформация американо-украинских отношений, в том числе под влиянием событий в Крыму и на Донбассе, представляет собой самостоятельную проблему и выходит за рамки нашего исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31330 опн “Американо-украинские отношения в постсоветский период: стратегические интересы, мотивы, ценности”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гушин А.В., Маркедонов С.М., Цибулина А.Н. *Украинский вызов для России*. Москва, Спецкнига, 2015. 48 с. [Gushchin A.V., Markedonov S.M., Tsibulina A.N. *Ukrainian challenge for Russia*]. Moscow, Spetskniga, 2015. 48 p.]
2. Åslund A., McFaul M., eds. *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough*. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2006. 216 p.
3. D'Anieri P. *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. Armonk, New York, M.E. Sharpe, 2006. 312 p.
4. Fischer S., ed. *Ukraine. Quo vadis?* Paris, EU Institute for Security Studies, Chaillot Paper, no. 108. 148 p.
5. Kuzio T. “Russianization” of Ukrainian National Security Policy under Viktor Yanukovich. *Journal of Slavic Military Studies*, 2012, vol. 25, no. 4, pp. 558–581. DOI:10.1080/13518046.2012.730372
6. Курьлев К.П. *Украинский кризис и международная безопасность*. Москва, Ленанд, 2018. 272 с. [Kurylev K.P. *Ukrainian crisis and international security*]. Moscow, Lenand, 2018, 272 p.]
7. Михайлов С.А. Политика США в отношении Украины: концепции и текущая политика. *Проблемы национальной стратегии*, 2016, № 5(38), сс. 68–84. [Mikhailov S.A. Policy of the USA towards Ukraine: concepts and current policy]. *National Strategy Issues*, 2016, no. 5(38), pp. 68–84.]
8. Ó by Beacháin D., Polese A., eds. *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures*. Edited Routledge Contemporary Russia and Eastern Europe Series, 23. New York, Routledge, 2010. 248 p.
9. Allison R. Russian Deniable Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules. *International Affairs*, 2014, vol. 90, no. 6, pp. 1255–1297. DOI: 10.1111/1468-2346.12170
10. Yost D.S. The Budapest Memorandum and Russia's Intervention in Ukraine. *International Affairs*, 2015, vol. 91, no. 3, pp. 505–538. DOI: 10.1111/1468-2346.12279
11. McFaul M. Russia as It is. A Grand Strategy for Confronting Putin. *Foreign Affairs*, July/August 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2018-06-14/russia-it> (accessed 26.06.2019).
12. Pifer S. *The Eagle and the Trident: U.S.-Ukraine Relations in Turbulent Times*. Washington, D.C., Brookings Institute Press, 2017. 356 p.
13. Wilson A. *Ukraine Crisis: What It Means for the West*. New Haven, Yale University Press, 2014. 207 p.
14. Kuzio T. *Putin's War Against Ukraine: Revolution, Nationalism, and Crime*. North Charleston (SC), Create Space Independent Publishing Platform, 2017. 490 p.
15. Menon R., Rumer E. *Conflict in Ukraine: the Unwinding of the Post-Cold War Order*. Boston, The Massachusetts Institute of Technology Press, 2015. 248 p.
16. Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London, I.B. Tauris, 2016. 368 p.
17. Charap S., Colton T.J. *Everyone Loses: the Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. New York, Routledge, 2017. 212 p.
18. Loshkarev I.A., Sushentsov A.A. Radicalization of Russians in Ukraine: from ‘Accidental’ Diaspora to Rebel Movement. *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 71–90. DOI: 10.1080/14683857.2016.1149349
19. Averre D., Wolczuk K. Introduction: The Ukrainian Crisis and Post-Post-Cold War Europe. *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, no. 4, pp. 551–555. DOI: 10.1080/09668136.2016.1176690
20. Троицкий М.А. Конгресс и политика США в отношении Украины. *США–Канада: экономика, политика, культура*, 2014, № 3, сс. 75–84. [Troitskii M.A. Congress and politics of the USA towards Ukraine]. *USA–Canada: Economics–Politics–Culture*, 2014, no. 3, pp. 75–84.]
21. Курьлев К.П. Украина во внешнеполитической стратегии США. *Постсоветские исследования*, 2018, т. 1, № 3, сс. 251–258. [Kurylev K.P. Ukraine in the Foreign Policy Vector of the USA]. *Post-Soviet Studies*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 251–258.]
22. Toal G. *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 387 p.

23. Куделя С. Донбасский разлом. *Контрапункт*, 2015, № 1, сс. 1-13. [Kudelya S. Donbasskii razlom [The Donbass Rift]. *Counterpoint*, 2015, no. 1, pp. 1-13.]
24. Куделя С. Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе. *Россия в глобальной политике*, 03.01.2015. [Kudelya S. Vnutrennie istochniki vooruzhennogo konflikta na Donbasse [Internal Causes of Donbass Military Conflict]. *Russia in Global Affairs*, January 3, 2015]. Available at: https://globalaffairs.ru/ukraine_crysis/vnutrennie-istochniki-vooruzhennogo-konflikta-na-donbasse-17245 (accessed 26.06.2019).
25. Baker J. *America and the Collapse of the Soviet Empire: What Has to Be Done*, December 12, 1991, Princeton, New Jersey, U.S. Department of State Dispatch, vol. 2, no. 50, pp. 887-893.
26. Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 280 p.
27. Fink S. From “Chicken Kiev” to Ukrainian Recognition: Domestic Politics in U.S. Foreign Policy toward Ukraine. *Harvard Ukrainian Studies*, June 1997, vol. 21, no. 1/2, pp. 11-61.
28. Burns W.F. Dismantling the Cold War’s Arsenal. *Arms Control Today*, vol. 23, no. 7, September 1993, pp. 3-7.
29. Miller S. The case against a Ukrainian nuclear deterrent. *Foreign Affairs*, Summer 1993, pp. 67-80.
30. Posner E. Should Ukraine have kept its nuclear weapons? *Epic Posner*, March 25, 2014. Available at: <http://ericposner.com/should-ukraine-have-kept-its-nuclear-weapons/> (accessed 26.06.2019).
31. Grossman E. Should Ukraine have gotten rid of its cold war nukes? *Global Security Newswire*, March 3, 2014. Available at: <http://www.nti.org/gsn/article/should-ukraine-have-gotten-rid-its-nukes/> (accessed 26.06.2019).
32. Rublee M.R. Fantasy counterfactual: a nuclear-armed Ukraine. *Survival*, April–May 2015, pp. 145-156. DOI: 10.1080/00396338.2015.1026091
33. Lutsevych O. How to finish a revolution: civil society and democracy in Georgia, Moldova and Ukraine. *Chatham House. Briefing Paper*, January 2013. Available at: <https://www.chathamhouse.org/publications/papers/view/188407> (accessed 26.06.2019).
34. Pillar P. *Why America Misunderstands The World: National Experience and the Roots of Misperception*. New York, Columbia University Press, 2016. XII, 212 p.
35. Woehrel S. Ukraine’s Orange Revolution and U.S. Policy. *Congressional Research Service. Report for Congress*, April 1, 2005. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL32845.pdf> (accessed 26.06.2019).
36. Kramer D. *Ukraine after the Orange Revolution. Remarks to the Washington Group*, John Hopkins University School of Advanced International Studies. Washington, DC. October 14, 2005. Available at: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/56530.htm> (accessed 26.06.2019).
37. Pifer S. Ukraine and NATO Following Bucharest. *Brookings*, May 6, 2008. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/ukraine-and-nato-following-bucharest/> (accessed 26.06.2019).
38. Gallis P. *The NATO Summit at Bucharest, 2008. CRS Report for Congress*. May 5, 2008. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS22847.pdf> (accessed 26.06.2019).
39. Sherr J. Destination Unknown: Ukraine and NATO. *The World Today*, vol. 64, no. 8/9 (August–September, 2008). Available at: <https://www.questia.com/magazine/1P3-1523648041/destination-unknown> (accessed 26.06.2019).

U.S. POLICY TOWARDS UKRAINE (1991–2013): BETWEEN RESTRAINT AND OVERALL SUPPORT

(World Economy and International Relation, 2020, vol. 64, no. 4, pp. 15-25)

Received 02.12.2019.

Alexander L. CHECHEVISHNIKOV (alc0202@gmail.com),

MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Sergey M. MARKEDONOV (smarkpost@gmail.com),

MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Olga I. REBRO (olgarebro@yandex.ru),

MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Andrey A. SUSHENTSOV (asushentsov@inno.mgimo.ru),

MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Nonprofit Expertise Institute for Social Research as part of the scientific project No. 19-011-31330 onn “American-Ukrainian Relations in the Post-Soviet Era: Strategic Interests, Motives, Values”.

Nowadays, the Ukrainian crisis is the most serious threat to the European security and stability since the late 1980s symbolizing the end of the Cold War era. It is accompanied by the protracted conflict in Donbass as well as on-going disputes on the Crimean Peninsula status between Russia, on the one hand, and Ukraine with its Western allies, on the other. Ukrainian issues are widely represented in the scholarly literature today. However, the most of papers examine Ukraine exclusively as a polygon of the Russian-Western confrontation, focusing mainly on the “Euro-Maidan” and consequent events in Crimea and Donbass. The authors of this article consider the U.S.-Ukrainian bilateral relations as having their own motives and logics, not restricting this issue by the “Russian factor”. Their analysis

includes evolution of the Ukrainian foreign policy priorities, the U.S. approaches to the post-Soviet space in general and newly independent Ukraine in particular. It is offered to look at the U.S.-Ukrainian relationship since the USSR demise till 2013. In the authors' opinion, the "Euro-Maidan" and all developments after it radically transformed the Ukrainian foreign policy in the pro-Western direction. At the same time, Washington balancing between restraint and active cooperation with the post-Soviet Ukraine intensified its full-scaled support of Kiev (Kyiv) as an important strategic ally in the Black Sea region. The article examines some fluctuations in the relationship of the two countries. It analyzes the "bursts" of the U.S. support for Ukraine (1991, 2004–2005 and 2013) and declines of interest to it as well (late 1990s; the period between 2007 and 2013). The authors assume that Washington was not extremely stirring in Ukrainian issues prior 2013. However, the full-scaled domestic crisis in this country pushed the U.S. to a more active engagement. This growing American influence challenged the existing status quo, because it was perceived by Moscow as an ongoing Western offensive to diminish the Russian influence in Eurasia.

Keywords: U.S.-Ukrainian relationship, Ukrainian crisis, post-Soviet space, "Orange Revolution", "Euro-Maidan", European security, Transatlantic partnership, U.S. strategic culture, democratization, NGOcracy.

About authors:

Alexander L. CHECHEVISHNIKOV, Candidate of History, Deputy Director, Institute for International Studies.

Sergey M. MARKEDONOV, Candidate of History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security, Institute for International Studies.

Olga I. REBRO, Expert, Institute for International Studies.

Andrey A. SUSHENTSOV, Candidate of Political Science, Director of the Laboratory for International Trends Analysis, Institute for International Studies.

DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-15-25